

Василий Осипович
Ключевский

1841–1911

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ

КУРС
РУССКОЙ ИСТОРИИ

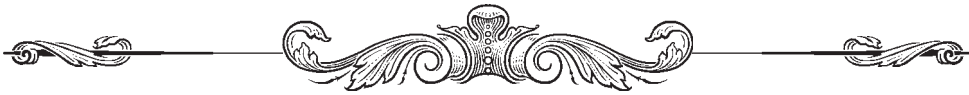

В 2 книгах

Книга 2

Москва
2017

ЛЕКЦИЯ XLVII

*Колебания во внутренней жизни Московского государства XVII в.
Два ряда нововведений. Направление законодательства и потребность в новом
своде законов. Московский мятеж 1648 г. и его отношение к Уложению.
Приговор 16 июля 1648 г. о составлении Уложения и исполнение приговора.
Письменные источники Уложения. Участие соборных выборных в его составлении.
Приемы составления. Значение Уложения. Новые идеи. Новоуказные статьи.*

Возвращаемся к внутренней жизни Московского государства. Из обзора ближайших следствий Смуты и внешней политики государства мы видели, что правительство новой династии стало перед трудными внешними задачами с оскудевшими наличными средствами, материальными и нравственными. Где оно будет искать недостававших ему средств и как найдет их — вот вопрос, который теперь нам предстоит изучить.

КОЛЕБАНИЯ

Отвечая на этот вопрос, мы переберем все наиболее видные явления нашей внутренней жизни. Они очень сложны, идут различными, часто пересекающимися и иногда встречными течениями. Но можно разглядеть их общий источник: это был тот же глубокий перелом, произведенный Смутным временем в умах и отношениях, на который я уже указывал, говоря о ближайших следствиях Смуты. Он состоял в том, что пошатнулся обычай, на котором держался государственный порядок при старой династии, перервалось предание, которым руководились создатели и охранители этого порядка. Когда люди перестают действовать по привычке, выпускают из рук нить предания, они начинают усиленно и суетливо размышлять, а размышление делает их мнительными и колеблющимися, заставляет их пугливо пробовать различные способы действия.

Этой робостью отличались и московские государственные люди XVII в. В них обилие новых понятий, плод тяжелого опыта и усиленного размышления, совмещалось с шаткостью политической поступи, с изменчивостью направлений, признаком непривычки к своему положению. Сознывая несоразмерность наличных средств с задачами, ставшими на очередь, они сначала

ищут новых средств в старых домашних национальных источниках, напрягают силы народа, чинят и достраивают или восстанавливают порядок, завещанный отцами и дедами. Но, замечая истощение домашних источников, они хлопотливо бросаются на сторону, привлекают иноземные силы в подмогу изнемогающим своим, а потом опять впадают в пугливое раздумье, не зашли ли слишком далеко в уклонении от родной старины, нельзя ли обойтись своими домашними средствами, без чужой помощи. Эти направления, сменяясь одно другим, во второй половине XVII в. идут некоторое время рядом, а к концу его сталкиваются, производят ряд политических и церковных потрясений и, переступив в XVIII в., сливаются в Петровской реформе, которая насильственно вгоняет их в одно русло, направляет к одной цели.

Вот в общих чертах ход внутренней жизни Московского государства с окончания Смуты до начала XVIII в. Теперь обратимся к изучению отдельных его моментов.

ДВА РЯДА НОВОВВЕДЕНИЙ

Как ни старалась новая династия действовать в духе старой, чтобы заставить забыть, что она новая и потому менее законна, ей нельзя было обойтись без нововведений. Смута так много поломала старого, что самое восстановление разрушенного неизбежно получало характер обновления, реформы. Нововведения идут прерывистым рядом с первого царствования новой династии до конца века, подготавливая преобразование Петра Великого. Согласно с двумя указанными сейчас направлениями в жизни Московского государства, в потоке этих подготовительных нововведений можно различить две струи неодинакового происхождения и характера, хотя по временам они соприкасались

и как будто даже сливались одна с другой. Реформы одного ряда велись домашними средствами, без чужой помощи, по указаниям собственного опыта и разума. А так как домашние средства состояли только в расширении государственной власти на счет общественной свободы и в стеснении частного интереса во имя государственных требований, то каждая реформа этого порядка сопровождалась какой-либо тяжкой жертвой для народного благосостояния и общественной свободы. Но в людских делах есть своя внутренняя закономерность, не поддающаяся усмотрению людей, которые их делают, и обыкновенно называемая *силой вещей*. С первого приступа к реформам *по-своему* стала чувствоваться их недостаточность или безуспешность, и, чем более росло это чувство, тем настойчивее пробивалась мысль о необходимости подражания *чужому* или заимствований со стороны.

ПОТРЕБНОСТЬ В СВОДЕ ЗАКОНОВ

По самой цели самобытных нововведений, направленных к охране или восстановлению разрушенного Смутой порядка, они отличались московской осторожностью и неполнотой, вводили новые формы, новые приемы действия, избегая новых начал. Общее направление этой обновительной деятельности можно обозначить такими чертами: предполагалось произвести в государственном строе пересмотр без переворота, частичную починку без перестройки целого. Прежде всего необходимо было упорядочить людские отношения, спутанные Смутой, уложить их в твердые рамки, в точные правила. Здесь правительству царя Михаила приходилось бороться со множеством затруднений: нужно было все восстанавливать, чуть не сызнова строить государство — до того был разбит весь его механизм. Автор упомянутой псковской повести о Смутном времени прямо говорит, что при царе Михаиле «царство внове строится начат».

Царствование Михаила было временем оживленной законодательной деятельности правительства, касавшейся самых разнообразных сторон государственной жизни. Благодаря тому к началу царство-

вания Михайлова преемника накопился довольно обильный запас новых законов и почувствовалась потребность разобраться в нем. По установившемуся порядку московского законодательства новые законы издавались преимущественно по запросам из того или другого московского приказа, вызывавшимся судебно-административной практикой каждого, и обращались к руководству и исполнению в тот приказ, ведомства которого они касались. Там, согласно с одной статьей Судебника 1550 г., новый закон приписывали к этому своду. Так основной кодекс, подобно стволу дерева, давал от себя ветви в разных приказах: этими продолжениями Судебника были *указные книги* приказов. Надобно было объединить эти ведомственные продолжения Судебника, свести их в один цельный свод, чтобы избежать повторения случая, едва ли одиночного, какой был при Грозном: А. Адашев внес в Боярскую думу из своего Челобитного приказа законодательный запрос, который был уже решен по запросу из Казенного приказа, и Дума, как бы позабыв сама недавнее выражение своей воли, велела казначеям записать в их указную книгу закон, ими уже записанный. Бывало и так, что иной приказ искал по другим законам, записанного в его собственной указной книге. Понятно, как дьяк-невежа мог путать дела, а дьяк-дока вертеть ими. Эту собственно кодификационную потребность, усиленную приказными злоупотреблениями, можно считать главным побуждением, вызвавшим новый свод и даже частью определившим самый его характер.

Можно заметить или предположить и другие условия, повлиявшие на характер нового свода. Необычайное положение, в каком очутилось государство после Смуты, неизбежно возбуждало новые потребности, ставило правительству непривычные задачи. Эти государственные потребности скорее, чем вынесенные из Смуты новые политические понятия, не только усилили движение законодательства, но и сообщили ему новое направление, несмотря на все старание новой династии сохранить верность старине. До XVII в. московское законодательство носило казуальный характер, давало ответы на отдельные текущие вопросы, какие ставила правительственная

практика, не касаясь самых оснований государственного порядка. Заменой закона в этом отношении служил старый обычай, всем знакомый и всеми признаваемый. Но как скоро этот обычай пошатнулся, как скоро государственный порядок стал сходиться с привычной колеи предания, тотчас возникла потребность заменить обычай точным законом. Вот почему законодательство при новой династии получает более органический характер, не ограничивается разработкой частных, конкретных случаев государственного управления и подходит все ближе к самым основаниям государственного порядка, пытается, хотя и неудачно, уяснить и выразить его начала.

МЯТЕЖ 1648 ГОДА

Труднее установить отношение Уложения к московскому мятежу 1648 г., случившемуся месяца за полтора до приговора государя с Думой составить новый свод законов. В этом мятеже явственно вскрылось положение новой династии. Два первых царя ее не пользовались народным уважением. Несмотря на свое земское происхождение, эта династия довольно скоро вошла в привычки старой, стала смотреть на государство, как на свою вотчину, и управлять им по-домашнему, с благодушной небрежностью вотчинной усадьбы, вообще успешно перенимала недостатки прежней династии, может быть, потому, что больше перенимать было нечего. Из плохих остатков разбитого боярства с примесью новых людей не лучше их составил придворный круг, которому очень хотелось стать правящим классом. Влиятельнейшую часть этого круга составляли царские, и особенно царицыны, родственники и любимцы. Престол новой династии надолго облегла атмосфера придворного фавора; временщики длинным рядом тянутся по трем первым царствованиям: Салтыковы, кн. Репнин, опять Салтыковы при Михаиле, Морозов, Милославские, Никон, Хитрово при Алексее, Языков и Лихачев при Федоре. Сам патриарх Филарет титулом второго великого государя прикрывал в себе самого обыкновенного временщика, вовсе не похожего на обходительного боярина, каким он был прежде, и назначившего

себе преемником на патриаршем престоле человека, все достоинство которого заключалось лишь в том, что он был дворовым сыном боярским, попросту холопом Филарета*. Как нарочно, три первых царя вступали на престол в незрелом возрасте, оба первых — шестнадцати лет, третий — четырнадцати. Пользуясь сначала их молодостью, а потом бесхарактерностью, правящая среда развила в управлении произвол и корыстолюбие в размерах, которым позавидовали бы худшие дьяки времен Грозного, кормившие царя одной половиной казенных доходов, а другую приберегавшие себе, по выражению тогдашних московских эмигрантов. Вспомогательным поощрением правительственных злоупотреблений служила и привилегированная их наказуемость: царь Михаил обязался, как мы знаем, людей вельможных родов не казнить смертью ни за какое преступление, а только ссылать в заточение, и при царе Алексее бывали случаи, когда за одно и то же преступление высокие чины подвергались только царскому гневу или отставке, а дьякам, подьячим и простым людям отсекали руки и ноги.

Эти обязательства, принятые перед боярами негласно, необнародованные, составляли коренную ложь в положении новой династии и придавали ее воцарению вид царско-боярского заговора против народа. Характерно в этом смысле выражение Котошихина о царе Михаиле, что «хотя он самодержцем писался, однако без боярского совету не мог делати ничего», но рад был покою, прибавляет к этому Татищев, т. е. предоставил все управление боярам. Народ своим стихийным чутьем понял эту ложь, и воцарение новой династии стало эрой народных мятежей. Царствование Алексея в особенности было «бунташным временем», как его тогда называли. К тому времени окончательно сложился в составе московского общества и управления тип «сильного человека» или «временника», по тогдашнему выражению. Это — властное лицо, заручившийся льготами землевладелец, светский либо духовный, или приятный при дворе правитель, крепкий

* В. О. Ключевский имеет в виду патриарха Иоасафа I.

верой в свою безнаказанность и достаточно бессовестный, чтобы всегда быть готовым, пользуясь своей мочью и общим беспорядком, употребить силу над беззащитным людом, «затеснить и избидеть многими обидами». Это было едва ли не самое характерное и особенно удавшееся произведение внутренней политики новой династии, выросшее в московской правительственной среде из мысли, что царь в ее руках и без нее не обойдется.

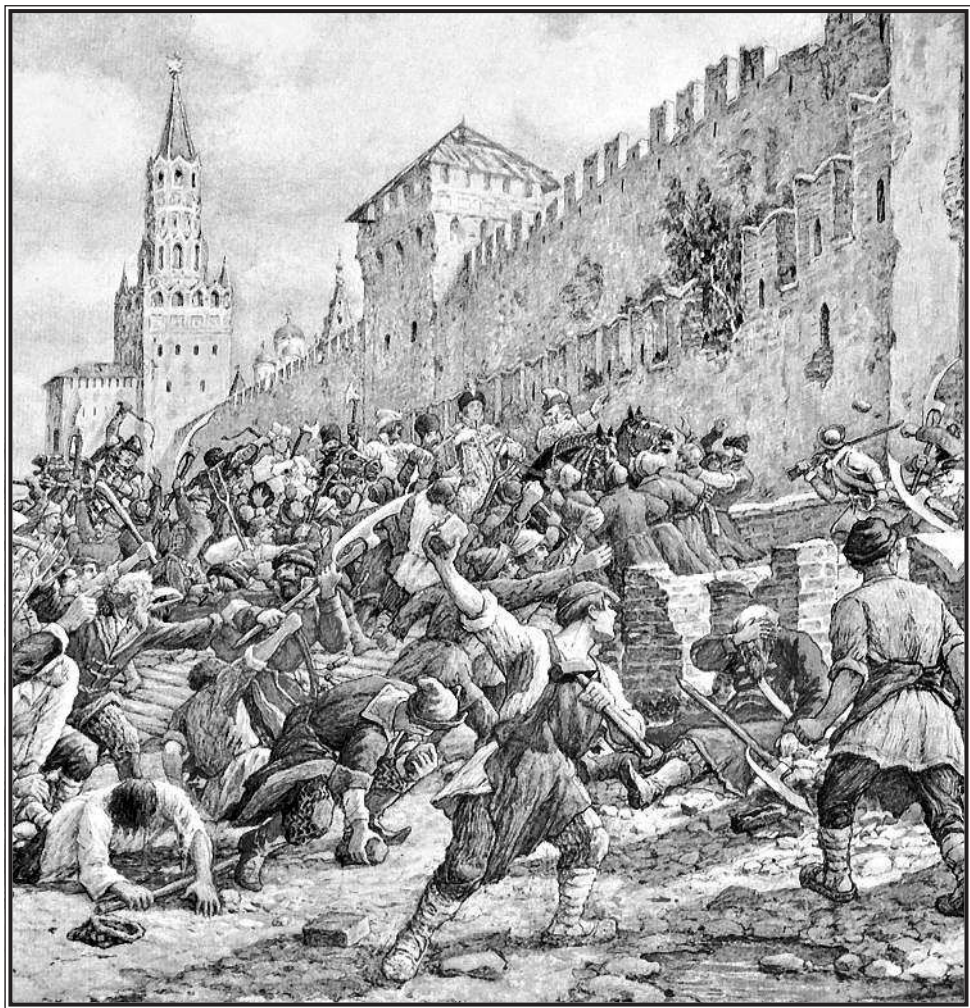
Простой народ относился к этим временщикам с самой задушевной ненавистью. Московский июньский мятеж 1648 г., отозвавшийся во многих других городах, был ярким выражением этого чувства. Столичное простонародье было особенно избижено сильными людьми, светскими и духовными, не отстававшими от светских, патриархом, епископами, монастырями: выгонные земли города были расхищены и заняты под слободы, загородные дворы и огороды, проезды в окрестные леса распаханы, так что московскому простому обывателю некуда стало ни выгнать животину, ни проехать за дровами, что искони при прежних государях не бывало. Июньский бунт и был восстанием «черных людей» на «сильных», когда «всколыбалася чернь на бояр» и принялась грабить боярские, дворянские и дьячьи дворы и избивать наиболее ненавистных правителей. Острастка возымела сильное действие: двор перепугался; принялись задабривать столичное войско и чернь; стрельцов поили по приказу царя; царский тесть несколько дней сряду угощал у себя в доме выборных из московских тяглых обывателей; сам царь во время крестного хода говорил речь народу, звучащую извинением, со слезами «упрашивал у черни» свояка и дорогого человека Морозова; на обещания не скупился. «Мира» стали бояться; пошли толки, что государь стал милостив, сильных из царства выводит, сильных побивают ослопьем* да камнем. При старой династии Москва не переживала таких бурных проявлений народного озлобления против правящих классов, не видывала такой быстрой смены пренебрежения к народу заискиванием перед толпой, не слыхала

таких непригожих речей про царя, какие пошли после мятежа: «Царь глуп, глядит все изо рта у бояр Морозова и Милославского, они всем владеют, и сам государь все это знает да молчит, черт у него ум отнял».

В 1646 г. правительство под руководством боярина Б. И. Морозова приняло решение ввести пошлины на самые необходимые товары, в том числе и соль, которая в то время была основным консервантом. Это вызвало ее резкое подорожание и, как следствие, недовольство народа. Непосредственным же поводом к началу Соляного бунта стала попытка делегации москвичей передать 1 июня 1648 г. челобитную царю Алексею Михайловичу, возвращавшемуся из Троице-Сергиевого монастыря. Когда боярин Морозов приказал стрельцам разогнать челобитчиков, в ответ полетели палки и камни, а на следующий толпа ворвалась уже в Кремль — но бояре снова разорвали челобитную. После этого к восставшим присоединилась значительная часть стрельцов и бунт было уже не остановить. 11 июня был отправлен в ссылку в монастырь Б. И. Морозов, а на следующий день царь издал указ об отсрочке взимания недоимок и других послаблениях, что привело к некоторому успокоению. После этого власть стала усиленно обихаживать стрельцов, выдав им двойное жалованье и т. д., и таким образом сумела внести раскол в ряды бунтовщиков. В начале июля были схвачены и казнены некоторые активные участники восстания, а в октябре вернулся в Москву и боярин Морозов (впрочем, он хоть и присоединился к правительству, однако прежней решающей роли в нем уже не имел).

Не летний московский мятеж 1648 г., скоро отозвавшийся и в других городах, внушил мысль об Уложении — на то были свои причины; но он побудил правительство привлечь к участию в этом деле земских представителей: на Земский собор, созванный на 1 сентября того же года для выслушания и подписи свода, правительство смотрело, как на средство умиротворения народа. Можно поверить патриарху Никону, который писал, как о деле, всем ведомом, что этот собор был созван не добровольно, «боязни ради и междуособия от всех черных людей, а не истинные правды ради». Несомненно, эти мятежи, не быв первоначальной причиной предпринятой кодификационной работы, однако отра-

* *Ослопье* — колья, дубины (устар.).

*Эрнест Лиснер. Восстание у стен Кремля 3 июня 1648 года.
Фрагмент. 1938 г.*

зились на ее ходе: правительственный испуг испортил дело.

ПРИГОВОР 16 ИЮЛЯ

Мысль составить Уложение, почин дела исходил от государя с «тесным собором», т. е. правительственным советом, состоявшим из Освященного собора и Боярской думы. В грамотах, разосланных по областям летом 1648 г., было объявлено, что велено написать Уложенную книгу по указу государя и патриарха, по приговору бояр и по челобитью стольников и стряпчих и всяких чинов людей. Трудно догадаться, когда и как было представлено правительству это челобитие всех чинов, даже было ли когда-либо представлено.

Говорить от имени всей земли было привычкой московских правительств, сменявшихся по пресечении старой династии. При новых царях челобитие «всяких чинов людей» сделалось стереотипной формулой, которой хотели оправдать всякое большое правительственное дело, не стесняясь точностью выражений: достаточно было какой-либо случайно составившейся группе людей разных чинов обратиться с ходатайством на государево имя, чтобы вызвать указ «по челобитию всех чинов людей». Приказная подделка под народную волю стала своего рода политической фикцией, сохранившейся для известных случаев доселе в виде пережитка с чисто условным значением. Достоверно то, что 16 июля 1648 г. государь с Боярской думой и Ос-

вященным собором приговорил выбрать «пристойные к государственным и земским делам статьи» из правил апостольских и св. отцов, из законов греческих царей, а также собрать указы прежних русских государей и боярские приговоры, «справить» эти указы и приговоры со старыми Судебниками, а по каким делам в Судебниках прежних государей указа не положено и боярских приговоров не было, написать новые статьи, и все это сделать «общим советом».

Составить проект Уложения поручено было особой кодификационной комиссии из пяти членов, из бояр князей Одоевского и Прозоровского, окольного кн. Волконского и двух дьяков, Леонтьева и Грибоедова. Все это были люди не особенно влиятельные, ничем не выдававшиеся из придворной и приказной среды; о кн. Одоевском сам царь отзывался пренебрежительно, разделяя общее мнение Москвы; только дьяк Грибоедов оставил по себе след в нашей письменности составленным позднее, вероятно для царских детей, первым у нас учебником русской истории, где автор производит новую династию через царицу Анастасию от сына небывалого «государя Прусской земли» Романова, сродника Августу, кесарю римскому. Три главных члена этой комиссии были думные люди: значит, этот «приказ кн. Одоевского с товарищи», как он называется в документах, можно считать комиссией Думы. Комиссия выбирала статьи из указанных ей в приговоре источников и составляла новые; те и другие писались «в доклад», представлялись государю с Думой на рассмотрение. Между тем к 1 сентября 1648 г. в Москву созваны были выборные из всех чинов государства, служилых и торгово-промышленных посадских, выборные от сельских или уездных обывателей, как от особой курии, не были призваны. С 3 октября царь с духовенством и думными людьми слушал составленный комиссией проект Уложения, и в то же время его читали выборным людям, которые к тому «общему совету» были призваны из Москвы и из городов, «чтобы то все Уложение впредь было прочно и неподвижно». Затем государь указал высшему духовенству, думным и выборным людям закрепить список Уложения своими руками, после чего оно с подписями членов собора в 1649 г. было напечатано и разослано

во все московские приказы и по городам в воеводские канцелярии, для того чтобы «всякие дела делать по тому Уложению».

СОСТАВЛЕНИЕ СВОДА

Такова внешняя история памятника, как она рассказана в официальном к нему предисловии. На комиссию возложена была двойная задача: во-первых, собрать, разобрать и переработать в цельный свод действующие законы, разновременные, несогласованные, разбросанные по ведомствам, и потом нормировать случаи, не предусмотренные этими законами. Вторая задача была особенно трудна. Комиссия не могла ограничиться собственной юридической предусмотрительностью и своим правовым разумением, чтобы установить такие случаи и найти нормы для их определения. Необходимо было знать общественные нужды и отношения, изучить правовой разум народа, а также практику судебных и административных учреждений; по крайней мере, мы так посмотрели бы на такую задачу. В первом деле комиссии могли помочь своими указаниями выборные; для второго ей надобно было пересмотреть делопроизводство тогдашних канцелярий, чтобы найти прецеденты, «примерные случаи», как тогда говорили, чтобы видеть, как решали не предусмотренные законом вопросы областные правители, центральные приказы, сам государь с Боярской думой. Предстояла обширная работа, требовавшая долгих и долгих лет.

Впрочем, до такого мечтательного предприятия дело не дошло: решили составить Уложение ускоренным ходом, по упрощенной программе. Уложение разделено на 25 глав, содержащих в себе 967 статей. Уже к октябрю 1648 г., т. е. в два с половиной месяца, изготовлено было к докладу 12 первых глав, почти половина всего свода; их и начал с 3 октября слушать государь с Думой. Остальные 13 глав были составлены, заслушаны и утверждены в Думе к концу января 1649 г., когда закончилась деятельность комиссии и всего собора и Уложение было закончено в рукописи. Значит, этот довольно обширный свод составлен был всего в полгода с чем-нибудь. Чтобы объяснить такую быстроту законодательной

Б. А. Чориков. Царь Алексей Михайлович утверждает
вновь составленное Соборное уложение в 1649 году.
Литография. 1836 г.

работы, надобно припомнить, что Уложение составлялось среди тревожных вестей о мятежах, вспыхивавших вслед за июньским московским бунтом в Сольвычегодске, Козлове, Талицке, Устюге и других городах, и заканчивалось в январе 1649 г. под влиянием толков о готовившемся новом восстании в столице. Торопились покончить дело, чтобы соборные выборные поспешили разнести по своим городам рассказы о новом курсе московского правительства и об Уложении, обещающем всем «ровную», справедливую расправу.

ИСТОЧНИКИ

Действительно, Уложение составлялось наспех, кое-как и сохранило на себе следы этой спешности. Не погружаясь в изучение всего приказного материала, комиссия ограничилась основными источниками, указанными ей в приговоре 16 июля. Это были Кормчая, именно вторая ее часть, заключающая в себе кодексы и законы греческих царей (лекция XIII), московские судебники, собственно Судебник царский, и дополнительные к нему указы и боярские приговоры, т. е. указные книги приказов.

Эти указные книги — самый обильный источник Уложения. Целый ряд глав свода составлен по этим книгам с дословными или измененными выдержками: например, две главы о поместьях и вотчинах составлены по книге Поместного приказа, глава «О холопье суде» — по книге приказа Холопьяго суда, глава «О разбойниках и о татинных делах» по книге Разбойного приказа. Кроме этих основных источников, комиссия пользовалась и вспомогательными. Своеобразное употребление сделала она из памятника стороннего — Литовского Статута 1588 г. В сохранившемся подлинном свитке Уложения встречаем неоднократные ссылки на этот источник. Составители Уложения, пользуясь этим кодексом, следовали ему, особенно при составлении первых глав, в расположении предметов, даже в порядке статей, в подборе казусов и отношений, требовавших законодательного определения, в постановке правовых вопросов, но ответов искали всегда в своем туземном праве, брали формулы самых норм, правовых положений, но только общих тому и другому праву или безразличных, устраняя все ненужное или несродное праву и судебному порядку московскому, вообще перерабатывали

все, что заимствовали. Таким образом, Статут послужил не столько юридическим источником Уложения, сколько кодификационным пособием для его составителей, давал им готовую программу.

УЧАСТИЕ СОБОРНЫХ ВЫБОРНЫХ

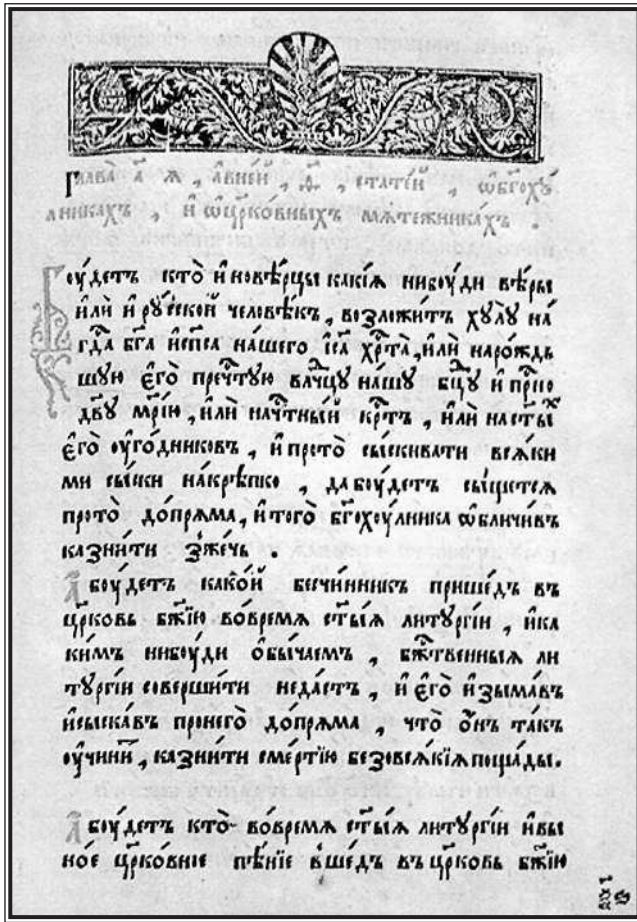
Комиссии пришлось черпать еще из одного вспомогательного источника, тем более важного, что это был источник живой, не архивный; разумею самый собор, точнее, соборных выборных, призванных выслушать и подписать Уложение. Мы видели, как составлялся свод: инициатива дела шла от государя с Боярской думой, проект свода был выработан канцелярским порядком, комиссией Думы при содействии приказов, доставлявших материалы и справки, рассмотрен, исправлен и утвержден той же Думой, а соборным выборным прочитан, сообщен к сведению и для подписи. Однако земское представительство не оставалось лишь страдательным слушателем свода, помимо него заготовленного. Правда, ни из чего не видно, чтобы статьи Уложения при чтении выборным обсуждались ими; читая им статью за статьей, у них не спрашивали, *да или нет*; однако им предоставлено было значительное участие в деле, принимавшее довольно разнообразные формы.

Приговор 16 июля не имел в виду нового кодекса: он поручил комиссии только свести и согласить наличный запас законодательства, «государские указы и боярские приговоры со старыми судебниками справить». Новыми статьями комиссия только пополняла пробелы действующих законов. Она должна была делать свое дело «общим советом» с земскими выборными, которых для того и призвали, чтобы быть на Москве «для государева и земского дела с государевыми боярами» кн. Одоевским с товарищами или «быть у них в приказе». Земские представители, значит, вводились в состав кодификационной комиссии или при ней состояли. Знакомясь с изготовлявшимся проектом, выборные, как сведущие люди, указывали кодификаторам, что в нем следует изменить или пополнить, заявляли о своих нуждах, а комиссия облекала эти заявления и указания в форму земских

челобитных, которые вносила в Думу. Там по этим челобитным «приговаривали», давали решения, которые объявлялись выборным как законы и вносились в Уложение.

Так выборным открыт был путь к участию в самом проекте Уложения. Трудно сказать, как происходили эти совещания комиссии, в общем ли собрании выборных, которых было не менее 290, или по какой-либо группировке. Знаем, что 30 октября 1648 г. выборные от служилых и посадских торговых людей подали в комиссию отдельные челобитные о повороте в посадское тягло подгородных слобод, городских дворов и торгово-промышленных заведений, принадлежавших нетягловым владельцам. Комиссия объединила обе эти челобитные и внесла в Думу как общее ходатайство «от вся земли». Из этих челобитных, докладов, выписок или справок и думских по ним приговоров выработалось целое положение о составе посадских обществ и об отношении к ним сторонних людей, промышлявших в городах. Из этого положения составлена глава XIX Уложения «О посадских людех».

Совещательные указания членам кодификационной комиссии и представление через нее челобитий в Думу — таковы две формы участия выборных в составлении Уложения. Но была и третья форма, наиболее важная, ставившая соборных выборных в прямое отношение уже не к комиссии, а к самой государевой Думе: это когда царь с Думой являлся среди выборных и вместе с ними произносил приговор по возбужденному вопросу. В Уложении отмечен один такой случай, не единственный в действительности. Выборные люди всех чинов били челом от всей земли отобрать церковные земли, перешедшие во владение духовенства вопреки закону 1580 г. В главу XVII Уложения о вотчинах внесена статья (42), которая гласит, что государь по совету с Освященным собором и поговорив с думными и выборными служилыми людьми, «собором уложили» воспретить всякое отчуждение вотчин в пользу Церкви. Выборные люди здесь прямо введены в состав законодательной власти, но не все, а только *служилые*, как представители вотчинников, которых касалось дело, хотя челобитье шло

Страница Соборного уложения 1649 года

Внешне Соборное уложение 1649 года представляло собой свиток из 959 узких бумажных столбцов. В конце стояли подписи 315 участников Земского собора, по склейкам столбцов

расписывались дьяки. На данной иллюстрации изображена страница из первой главы Уложения «О богоухольниках и церковных мятежниках».

от всей земли, от всяких чинов. Верховное правительство по уровню политического сознания оказалось ниже земского представительства: последнее понимало интерес всеземский, а первое — только сословный. По документам известны еще два прямо не указанных в Уложении соборных приговора с участием выборных. По челобитью выборных служилых людей государь с Думой и с челобитчиками собором уложил отменить «урочные лета», т. е. срок давности для возврата беглых крестьян; этот приговор изложен в первых статьях главы XI Уложения о крестьянах.

Еще важнее глава VIII «О искуплении пленных», устанавливающая общий под-

ворный налог для выкупа пленных и таксу выкупа; эта глава заимствована из соборного приговора государя с Думой и «всяких чинов с выборными людьми». На этот раз весь выборный состав собора возымел законодательную власть. Наконец, один частный случай живо рисует и отношение выборных к делу Уложения, и отношение правительства к земским челобитьям. Депутат курского дворянства Малышев, возвращаясь домой по окончании собора, выпросил себе царскую «береженую», охранную грамоту, чтобы защитить его — от кого бы вы думали? — от его собственных избирателей. Он опасался от них всякого дурна по двум причинам: за то, что не все

«нужи» избирателей провел на соборе в Уложение, и за то, что чересчур поревновал о благочестии, в особой челобитной царю «всяким дурном огласил», охаял своих земляков-курчан в неблагопристойном проведении воскресных и праздничных дней. Грамота обеляет депутата перед избирателями от первого обвинения, что он «розных их *прихотей* в Уложенье не исполнил», а ответственность по второму пункту Малышев взваливает на правительство, на самого царя, жалуясь в челобитной, что в Уложении указаны только часы работы и торговли в праздничные дни (гл. X, ст. 25), а запрета и наказания за праздничное неблагоповедение согласно его челобитью указа не написано. Царь уважил просьбу неугомонного моралиста, велел послать грамоты о достойном проведении праздников «с великим запрещением», но Уложения не пополнил.

ПРИЕМЫ СОСТАВЛЕНИЯ

Теперь мы можем уяснить себе, как составлялось Уложение. Это был сложный процесс, в котором можно различить моменты *кодификации, совещания, ревизии, законодательного решения и заручной скрепы*: так назовем последний момент, применяясь к языку приговора 16 июля. Эти моменты распределялись между составными частями собора — Боярской думой и Освященным собором с государем во главе, пятичленной комиссией князя Одоевского и выборными людьми, которые состояли собственно при комиссии, а не при Думе; совокупность этих частей и составляла собор 1648 г. Кодификационная часть была делом приказа князя Одоевского и состояла в выборке и сводке узаконений из указанных ему источников, а также в редактировании челобитий выборных людей. Совещательный момент заключался в участии, какое принимали выборные в работах комиссии. Это участие, видели мы, выражалось в челобитях, которые имели значение дебатов, заменяли прения, обсуждение, и известен случай, когда челобитная выборных получила характер прямого возражения, сопровождавшегося отменой или исправлением государева указа, против которого она была направлена. Я уже упоминал о челобитке выборных поворотить в тягло льготные

подгородные слободы частных владельцев. Состоялся указ отписать эти слободы на государя в тягло, «сыскав», расследовав, откуда и когда пришли их обыватели, и не распространя этого сыска назад за 1613 г. Выборные, опасаясь обычной московской приказной проволочки и сыскных козней, обратились с новой челобитной отписать слободы на государя «без лет и без сыску, где кто ныне живет». В тот же день ходатайство было доложено государю и получило полное удовлетворение.

Ревизия и законодательное решение принадлежали государю с Думой. Ревизия состояла в пересмотре действующих законов, как их сводила комиссия в своем проекте. Приговор 16 июля как бы приостанавливал действие этих законов, низводил их на степень временных правил — впредь до нового законодательного их утверждения. Теряя силу правовых норм, эти старые законы при составлении Уложения сохраняли, однако, значение источников права. В Думе или исправляли их текст, или касались и содержания, изменяя или отменяя самые нормы, чаще пополняя проект старым указом, пропущенным комиссией, или новым узаконением, дававшим норму на не предусмотренный прежде случай; так ревизия соединялась с редакцией. Ограничусь одним отмеченным в Уложении примером. В начале главы XVII о вотчинах комиссия поместила указы царя Михаила и патриарха Филарета о порядке, в каком призывать наследников к наследованию родовых и выслуженных вотчин. Дума утвердила эти статьи проекта, но прибавила к ним постановление о том, в каких случаях матери и бездетные вдовы вотчинников обеспечиваются за счет выслуженных вотчин. Ревизией Дума пользовалась безраздельно; но при законодательном решении по свойству решаемых вопросов она принимала разнообразный состав, делясь своей законодательной властью с другими частями собора. Иногда приговор произносился только государем с Думой, иногда с участием Освященного собора, по временам призывались выборные только некоторых чинов, и еще реже вопрос решался всем собором с выборными людьми всяких чинов. Желяя, «чтобы то все Уложение впредь было прочно и неподвижно», его вырабатывали собранием,

лишенным всякой прочности и неподвижности. Общим и обязательным делом собора, для чего, собственно, и созывали его, было закрепление свода подписями всех членов, должностных, как и выборных: это должно было со стороны правящих лиц и народных представителей служить ручательством в том, что они признают Уложение правильным, удовлетворяющим их нуждам и что «всякие дела будут делать по тому Уложению». Патриарх Никон был совсем не прав, когда позорил этот свод законов, называя его «проклятой книгой, дьявольским законом»: зачем он молчал, слушая и подписывая эту проклятую книгу в 1649 г. в сане архимандрита Новоспасского монастыря.

ЗНАЧЕНИЕ УЛОЖЕНИЯ

По мысли, какую можно предположить в основании Уложения, оно должно было стать последним словом московского права, полным сводом всего накопившегося в московских канцеляриях к половине XVII в. законодательного запаса. Эта мысль сквозит в Уложении, но осуществлена не особенно удачно. В техническом отношении, как памятник кодификации, оно не перегнало старых судебныхников. В расположении предметов законодательства пробивается желание изобразить государственный строй в вертикальном разрезе, спускаясь сверху, от Церкви и государя с его двором до казаков и корчмы, о чем говорят две последние главы. Можно с немалыми усилиями свести главы Уложения в отделы государственного права, судопроизводства и уголовного права. Но такие группировки остались для кодификаторов только порывами к системе. Источники исчерпаны неполно и беспорядочно; статьи, взятые из разных источников, не всегда согласны между собой и иногда попали не на свои места, скорее свалены в кучу, чем собраны в порядок. Если Уложение действовало у нас почти в продолжение двух столетий до свода законов 1833 г., то это говорит не о достоинствах Алексеевского свода, а лишь о том, как долго у нас можно обойтись без удовлетворительного закона.

Но как памятник законодательства, Уложение сделало значительный шаг вперед сравнительно с судебниками. Это уже

не простое практическое руководство для судьи и управителя, излагающее способы и порядок восстановления нарушенного права, а не самое право. Правда, и в Уложении всего больше места отведено формальному праву: глава X о суде — самая обширная, по числу статей составляет едва не треть всего Уложения. Оно допустило важные, но понятные пробелы и в материальном праве. В нем не находим основных законов, о которых тогда в Москве не имели и понятия, довольствуясь волей государя и давлением обстоятельств; отсутствует и систематическое изложение семейного права, тесно связанного с обычным и церковным: не решались трогать ни обычая, слишком сонного и неповоротливого, ни духовенства, слишком щекотливого и ревнивого к своим духовно-ведомственным монополиям. Но все-таки Уложение гораздо шире судебныхников захватывает область законодательства. Оно пытается уже проникнуть в состав общества, определить положение и взаимные отношения различных его классов, говорит о служилых людях и служилом землевладении, о крестьянах, о посадских людях, холопах, стрельцах и казаках. Разумеется, здесь главное внимание обращено на дворянство, как на господствующий военнослужилый и землевладельческий класс: без малого половина всех статей Уложения прямо или косвенно касается его интересов и отношений. Здесь, как и в других своих частях, Уложение старается удержаться на почве действительности.

НОВЫЕ ИДЕИ

Но при общем охранительном своем характере Уложение не могло воздержаться от двух преобразовательных стремлений, указывающих, в каком направлении пойдет или уже шла дальнейшая стройка общества. Одно из этих стремлений в приговоре 16 июля прямо поставлено как задача кодификационной комиссии: ей поручено было составить проект такого Уложения, чтобы «всяких чинов людем от большого и до меньшого чину суд и расправа была во всяких делех всем равна». Это — не равенство всех перед законом, исключаящее различие в правах: здесь разумеется равенство суда и расправы для всех, без привилегированных под-

судностей, без ведомственных различий и классовых льгот и изъятий, какие существовали в тогдашнем московском судоустройстве, имеется в виду суд одинаковый, нелицеприятный и для боярина, и для простолюдина, с одинаковой подсудностью и процедурой, хотя и не с одинаковой наказуемостью; судить всех, даже приезжих иноземцев, одним и тем же судом в правду, «не стыдяся лица сильных, и избавляти обидящего (обидимого) от руки неправедного» — так предписывает глава X, где сделана попытка начертать такой ровный для всех суд и расправу. Идея такого суда исходила из принятого Уложением общего правила устранять всякое льготное состояние и отношение, соединенное с ущербом для государственного, особенно казенного интереса.

Другое стремление, исходившее из того же источника, проведено в главах о сословиях и выражало новый взгляд на отношение свободного лица к государству. Чтобы выразить это стремление, надобно несколько отрешиться от современных понятий о личной свободе. Для нас личная свобода, независимость от другого лица, не только неотъемлемое право, ограждаемое законом, но и обязанность, требуемая еще и правами. Никто из нас не захочет, да и не может стать формальным холопом по договору, потому что никакой суд не даст защиты такому договору. Но не забудем, что мы изучаем русское общество XVII в. — общество холоповладельческое, в котором действовало крепостное право, выражавшееся в различных видах холопства, и к этим видам именно в эпоху Уложения, как увидим это скоро, готов был прибавиться новый вид зависимости — крепостная крестьянская неволя. Тогда в юридический состав личной свободы входило право свободного лица отдать свою свободу на время или навсегда другому лицу без права прекратить эту зависимость по своей воле. На этом праве и основались различные виды древнерусского холопства.

Но до Уложения у нас существовала личная зависимость без крепостного характера, создававшаяся личным *закладом*. Заложиться за кого-либо значило: в обеспечение ссуды или в обмен за какую-либо иную услугу, например, за податную

льготу или судебную защиту, отдать свою личность и труд в распоряжение другого, но сохраняя право прервать эту зависимость по своему усмотрению, разумеется, очистив принятые на себя обязательства заклада. Такие зависимые люди назывались в удельные века *закладнями*, а в московское время — *закладчиками*. Заем под работу был для бедного человека в Древней Руси наиболее выгодным способом помещения своего труда. Но, отличаясь от холопства, закладничество стало усваивать себе холопью льготу — свободу от государственных повинностей, что было злоупотреблением, за которое теперь закон и ополчился против закладчиков и их приемщиков, поворотив закладчиков в тягло. Уложение (гл. XIX) пригрозило им за повторительный заклад «жестоким наказанием», кнутом и ссылкой в Сибирь, на Лену, а приемщикам — «великой опалой» и конфискацией земель, где закладчики впредь жить будут.

Между тем для многих бедных людей холопство и еще больше закладничество были выходом из тяжелого хозяйственного положения. При тогдашней дешевизне личной свободы и при общем бесправии льготы и покровительства, «заступа» сильного приемщика были ценными благами; потому отмена закладничества поразила закладчиков тяжким ударом, так что они в 1649 г. затевали в Москве новый бунт, понося царя всякой неподобной бранью. Мы поймем их настроение, не разделяя его. Свободное лицо, служилое или тяглое, поступая в холопы или в закладчики, попадало для государства. Уложение, стесняя или запрещая такие переходы, выражало общую норму, в силу которой свободное лицо, обязанное государственным тяглом или службой, не могло отказываться от своей свободы, самовольно слагая с себя обязанности перед государством, лежавшие на свободном лице; лицо должно принадлежать и служить только государству и не может быть ничьей частной собственностью: «Крещеных людей никому продавати не велено» (гл. XX).

Личная свобода становилась обязательной и поддерживалась кнутом. Но право, пользование которым становится обязательным, превращается в повинность. Мы не чувствуем на себе тяжести этой повинности, потому что государство,